

С особым удовлетворением было отмечено, что на семинаре были установлены тесные связи ученых с практическими работниками, а также положено начало работе по созданию общесоюзного справочника личных имен. Ученым было предложено выработать критерий оценки личного имени, разработать для всех языков Кавказа транскрипцию личных имен и фамилий. Одобрив проведение Кавказского ономастического семинара Президиум Дагестанского филиала АН СССР постановил издать сборник трудов семинара «Ономастика Кавказа», а также выразил надежду, что научные контакты, установленные на семинаре, станут еще шире и теснее.

Дж. Б. Логашов

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР»

С 1 по 5 февраля 1971 г. в Ленинградском отделении Института этнографии проходила вторая научная конференция «Этнография и фольклор», посвященная обрядам и связанному с ними фольклору. В работе конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Риги, Таллина, Тбилиси, Еревана, Кишинева и других городов. Всего на конференции было заслушано 52 доклада.

Открывая конференцию, Л. М. Сабурова (Ленинград) подчеркнула важность поставленной проблемы и отметила, что в обрядах связь фольклора с этнографией особенно тесная и изучать их можно только комплексно. Это положение нашло подтверждение во всех докладах. О закономерностях связей фольклора с этнографией говорил Б. А. Акцорин (Йошкар-Ола), считающий, что фольклор и этнография представляют диалектическое единство. Чтобы понять глубокий смысл отдельных фантастических образов фольклора, его символику и другие элементы, сохраняющие порой древнейшие представления, надо изучать его комплексно, учитывая данные этнографии, истории, археологии, психологии, социологии и других наук.

О задачах и методах картографирования фольклора говорил К. В. Чистов (Ленинград). Он рассмотрел возможность применения методики картографирования элементов материальной культуры при картографировании обрядов и обрядового фольклора, а также рассказал об опыте картографирования обрядов в современных зарубежных этнографических и лингво-этнографических атласах. Исходя из некоторых методических соображений и учитывая состояние источников, докладчик считает, что картографирование русских обрядов целесообразнее начать со свадьбы. Картографирование должно охватывать как элементы материальной культуры (свадебную одежду, пищу и пр.), так и все разнообразие фольклорные элементы (сюжеты свадебных песен, напевы, особенности причитаний и пр.).

Э. В. Померанцева (Москва) сообщила об огромном и весьма ценном материале по обрядовому фольклору, собранному в 90-х годах XIX в. Этнографическим бюро В. Н. Тенишева, который хранится в архиве Государственного музея этнографии. Особенно широко представлены в собрании календарные обряды, зафиксированные в 16 губерниях, причем в двух из них народный календарь записан полностью. Данные Тенишевского бюро — уже готовый материал для классификации и картографирования обрядов.

А. А. Одабашян (Ереван) в докладе «К картографированию календарного фольклора армян» охарактеризовал различные жанры армянского обрядового фольклора и показал, как в нем отражаются многие стороны материальной и духовной жизни человека. Ш. А. Салакая (Сухуми) говорил о специфических особенностях обрядового фольклора абхазов, связанного с древней формой хозяйственной деятельности — охотой.

Несколько докладов было посвящено новогодним обрядам. Г. И. Спатару (Кишинев) рассмотрел исторически сложившийся комплекс новогодней обрядности молдаван, включающий игры, ряжение, колядование и представление народных драм. М. Н. Бэешу (Кишинев) остановился на особых новогодних песнях «орациях» и традиционном обряде «плугушор» («плуг») — символической инсценировке пахоты перед окнами дома, сопровождаемой песней, рассказывающей историю хлеба.

З. И. Власова и В. В. Коргузалов (Ленинград) рассказали об обнаруженном ими в ряде деревень Новгородской области интересном обряде «Похороны дударя» и связанной с ним песне, исполнявшейся на святах. М. Б. Руденко (Ленинград) проанализировала обряды курдов, сопровождающие новогодний праздник «ноуруз» (2 марта), символизирующий возрождение солнца и обновление природы. В этих обрядах отразились доисламские верования и культы, сходные с обрядами календарных турналей и др. Ю. В. Попович (Кишинев) в докладе «О существовании древнего праздника солнца на территории восточно-романских народов» остановился на обрядах

связанных, по его мнению, с культом солнца: 1) разжигание костров; 2) сжигание обрядового полена («бюодника»); 3) магическое размешивание огня в очаге специальной палкой — «колиндой».

О весенне-летних обрядах сделали доклады А. С. Лис (Минск), Н. М. Бачинская (Москва) и Г. Г. Шаповалова (Ленинград). А. С. Лис старался выяснить генезис белорусской купальской обрядности, в которой он видит пережитки солнечного культа. Первоначальные мифологические представления позже воплотились в антропоморфном образе Купады, имя которого этимолога, очевидно, правильно производят от общего корня слов «гореть» и «купать», что соответствует представлениям купальских обрядов.

Н. М. Бачинская проанализировала «вьюношные» песни (песни с припевом «вьюнец-молодец» и «вьюница-молодица»), записанные ею в 1961 г. в Горьковской и Ярославской областях. Это ритуальные оклики молодых с пожеланием им всяческого благополучия, исполнявшиеся на Красную горку. По напеву вьюношные песни сходны с колядками.

Г. Г. Шаповалова говорила об Егорьевском цикле. По ее мнению, Егорьев день, сохранившийся в XX в. у русских лишь как день ритуального выгона скота, некогда был у славян главным весенним праздником, что подтверждается южно- и западнославянскими материалами. Праздник этот продолжался с 23 апреля по 1 мая (день св. Макария), который в древности был праздником почитания матери Веселной. Обряды Егорьевского цикла и сопровождающий их фольклор могут рассматриваться как земледельческие, скотоводческие и как семейные, что и составляет их специфику.

Осенним календарным обрядам был посвящен только доклад Ю. Тедре (Таллин), охарактеризовавшего обряды Мартынова дня (10 ноября). В цикле песен, посвященных этому обряду, докладчик видит зачатки народной драмы.

В докладе Л. Н. Виноградовой (Москва) и Я. Дарбиниеце (Рига) календарный обрядовый фольклор рассматривался в сравнительном плане. Л. Н. Виноградова в докладе «Славянские фольклорно-обрядовые традиции в системе польской колядной песенности» попыталась раскрыть генезис специфических для польского фольклора колядок для девушек (*ubiranie dziewczyny*). Сопоставление их с восточнославянскими колядками и частично со свадебными песнями показало их тесную генетическую связь с общеславянскими песнями типа «предпочтение милого». Я. Дарбиниеце в докладе «Проблема жанра латышской календарной обрядовой песни в свете сравнительного анализа» показала значение сравнительного анализа для изучения специфики жанра. В латышском фольклоре иное соотношение календарной обрядовой песни с лирической по сравнению с русским, поэтому сопоставлять с русскими можно только заклинательные и величальные обрядовые песни.

По характеру и функциям к календарно-обрядовому фольклору близок обрядовый фольклор, связанный с промыслами. Общие проблемы, встающие при изучении этого вида фольклора, были поставлены в докладе В. И. Цинциус (Ленинград) «Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслами». Подчеркивая роль слова, докладчица считает признаком архаичности краткость словесных обрядовых обращений к духам-хозяевам с просьбой об удаче в охоте и в ловле рыбы, а также при ритуальном убиении медведя и при «кормлении» духа — хозяина огня.

Своеобразному малоизученному виду фольклора был посвящен доклад И. Г. Крашномедской (Ленинград) «Песенный фольклор сигналов в сельскохозяйственных обрядах». Докладчица рассмотрела цейлонские обрядовые песни, связанные с культивированием риса. Разделив их на две группы, нарративные и заклинательные, докладчица высказала мнение, что песенный фольклор является очень ценным источником при изучении древних народных верований.

Е. А. Алексеев (Ленинград) говорила об обряде и фольклоре у кетов, о том, какое большое значение при изучении обрядов и мифологии имеют различные фольклорные жанры. Вследствие специфических экономических условий у кетов не развились крупные обрядовые циклы (кроме медвежьего праздника), но вплоть до недавнего времени исполнение сказок и преданий имело у них обрядовое значение. Фольклор кетов, в котором шаманские верования и представления сложно переплелись с промысловым культом, дает очень много и для изучения шаманизма.

Наибольшее количество докладов было посвящено свадебным обрядам и песням разных народов. Т. Я. Бернштам (Ленинград) на основе собранных ею в 1969—1970 гг. на Летнем и Поморском берегах Белого моря материалов охарактеризовала русскую свадебную обрядность, выделив в ней как общерусские, так и специфические для этого региона черты. А. В. Торопова (Кострома) остановилась на жанровой классификации свадебного фольклора, а Т. М. Акимов (Саратов) — на поэтике русских свадебных песен и специфике их лиризма, художественная природа, по мнению автора, определяется обрядовой традицией и условностью, но сквозь толщу ритуальных требований и заставших форм в свадебных песнях пробивается живое, личное чувство. При сличении разновременных вариантов можно заметить, как непосредственное переживание стремится к более свободному, открытому выражению, однако никогда традиционная условность поэтики не может разрушиться полностью. В. М. Щуров (Москва) в докладе «Музыкально-поэтические особенности южнорусского свадебного обряда» отметил, что при множестве местных разновидностей южнорусский свадебный обряд стойко сохраняет общие признаки. Это объясняется особенностями местной истории, и прежде всего влиянием культуры ратных людей, жителей сторожевой полосы.

Н. А. Сихарулидзе (Тбилиси) прочитала доклад «О свадебной грузинской поэзии», в котором говорилось об основных моментах грузинского свадебного обряда и связанных с ним песнях.

Ю. Сурхаско (Петрозаводск), говоря об историко-этнической типологии карельской свадьбы, показал своеобразие свадебных обрядов различных этнических групп карел. Группируя наиболее близкие между собой локальные варианты, он выделил два основных типа карельской свадебной обрядности: северный и южный. У. С. Конкка (Петрозаводск) охарактеризовала большую и своеобразную роль причитальницы в карельском свадебном обряде. Основываясь на близких мотивах свадебных и похоронных причитаний, докладчица видит генезис ритуального плача невесты в верованиях, связанных с культом умерших предков. А. С. Степанова (Петрозаводск) рассмотрела метафорические замены термина «жених» в свадебных причитаниях карел. В этих заменах, по мнению автора, выражается отношение к жениху и его родне. Метафорический, инсказательный язык является характерной особенностью поэтики плачей.

Л. В. Хомич (Ленинград) в докладе «Элементы свадебного обряда у ненцев по материалам фольклора» охарактеризовала традиционный свадебный обряд ненцев, содержащий, по ее мнению, пережитки умыкания невесты, и показала, как элементы этого обряда отразились в эпическом фольклоре.

О роли музыки в старинном свадебном фольклоре мари говорила Г. И. Чугунова (Казань). Она отметила назначение каждого жанра, систематизировала песни по их местоположению в обряде, выявила характерные признаки каждой группы, а также проанализировала инструментальные свадебные наигрыши. Ж. С. Мусаян (Ленинград) рассказал о найденном им в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сборнике курдских хороводных свадебных песен, записанных в Эрзеруме русским консулом А. Жаба.

И. И. Земцовский (Ленинград) в докладе «О взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян (по музыкальным данным)» показал, что календарные и свадебные обряды славян и входящие в них фольклор генетически связаны.

Несколько докладов было посвящено похоронным обрядам. А. З. Розенфельд (Ленинград) в докладе «„Говораи-наз“ — древний погребальный обряд на Вандже и траурные рубон» описала обряд похорон девушек в Дарвазе и в бывшей Кулябской области в Таджикистане. И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград) охарактеризовал фольклор в похоронном обряде памирских таджиков. Он отметил также, что похоронный обряд всех памирских народностей, принадлежащих к исмаилитской секте ислама, сходен и исключительно консервативен. Фольклор, связанный с похоронными обрядами, бытует здесь как на таджикском, так и на памирском языке. Тексты песен в большинстве не специфически похоронные; это песни о разлуке. Связь между смертью и разлукой в обряде и фольклоре памирских таджиков восходит, возможно, к древним верованиям.

В. П. Дьяконова (Ленинград), прочитавшая доклад «Отражение погребального обряда в фольклоре тувинцев», отметила большое значение фольклорных и этнографических материалов для воссоздания истории и различных сторон жизни ранних бесписьменных народов. В тувинском фольклоре (в основном это малые жанры) нет описания всего погребального цикла, но в нем много ценных сведений для характеристики отдельных сторон и деталей похоронного обряда. С. Б. Чернецов (Ленинград) говорил о роли фольклора в создании эфюпского заупокойного сборника «Свиток оправдания». Л. С. Кавтаськин (Саранск) остановился на почти неизвестном древнем мордовском обычае — имитации свадьбы при похоронах девушки. Детальное изучение этого обряда показывает, по мнению докладчика, что он был вызван не столько религиозными, сколько эстетическими потребностями.

Художественным особенностям обрядового фольклора были посвящены доклады Т. И. Орнатской (Ленинград) «Поэтический строй обрядовых песен» и Г. И. Яхонтовой (Саратов) «Обрядовая песенная поэзия и обрядовая речь».

Значительное внимание на конференции было уделено взаимосвязи жанров, особенностям использования обрядового фольклора в жанрах, не связанных с обрядами, изменениям обрядового фольклора в связи с утратой им первоначальной магической религиозной функции.

Е. М. Мелетинский (Москва) в докладе «Миф и обряд» высказал соображения о связи мифа и обряда и, в частности, остановился на популярной на Западе ритуально-мифологической теории, которая сводит обряд почти полностью к мифу.

П. М. Кожин (Москва) рассмотрел один из так называемых солнечных мифов Средиземноморья — миф о Фазтоне и Икаре, а В. Я. Волчок (Ленинград) выступил с докладом «О времени создания мифа о Сканде».

Б. Н. Путилов (Ленинград), посвятивший свое выступление эпосу и обрядам, показал, что в героическом эпосе народная обрядность может играть роль сюжетобразующую; при этом структура обряда переосмысливается и художественно трансформируется в соответствии с особенностями эпической эстетики и сюжетными задачами. Ю. В. Иванова (Москва) говорила об отображении свадебного обряда в албанских эпических сказаниях.

К. Т. Самородов (Саранск) рассмотрел мордовские календарно-обрядовые песни-мольбы («озномат», «пазморот») и отметил, что по функции, композиции и стилю они очень близки к заговорам и различаются лишь характером исполнения. В художе-

ственном отношении заговоры более развиты, нежели песни-озномы, являющиеся древним пластом календарной поэзии.

С. В. Арутюнян (Ереван) выступил с докладом «Тосты-пожелания как реликты благословений при общественном жертвопоедании».

А. Д. Шуляев (Саранск) в докладе «О взаимосвязи мордовской обрядовой и необрядовой лирики» рассмотрел случаи перехода обрядовых песен в необрядовые и необрядовых в обрядовые и выявил причины, способствующие этому.

Е. А. Тудоровская (Ленинград), говорившая о внепесенных связях народной обрядовой и необрядовой лирики, отметила, что иногда некоторые части текста обрядовых песен нельзя понять без действий, которые они сопровождают. Без учета связей с обрядом нельзя понять и происхождения песенной символики и параллелизма.

В. Н. Кругляшова (Свердловск) на основе преданий и воспоминаний уральских рабочих познакомила слушателей со своеобразным обрядом, связанным со сплавом барок по Чусовой и отправкой «железного каравана», а также с распространением среди углежогов обряда «ловля соболя». Н. И. Криничная (Петрозаводск) говорила «Об элементах обрядности в преданиях о заселении края». На основании материалов, собранных в Поморье, она выделила два типа преданий, связанных с выбором места для поселения, для постройки церкви. В основе этих преданий, по мнению докладчицы, лежит древний обряд, связанный со священным деревом.

В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «От обряда к народному театру» проследил, как похоронные игры, связанные с культом предков, переходят в святочные игры «в покойника» (что особенно наглядно показывает украинский материал), а затем — в антиклерикальный фарс. Комические сцены похорон органически вошли и в народные драмы «Маврух», «Царь Ирод», «Петрушка», исполнявшиеся также во время святок. Но сцена отпевания покойника имеет, по мнению докладчика, в народной драме иную функцию, нежели святочная игра «в покойника», — эстетическую.

На конференции выступили два народных хора: Этнографический коллектив Дома культуры Гучковского сельсовета, Сокольского района Вологодской области и Брянский народный хор дер. Дубровка Суражского района, которые продемонстрировали ряд календарно-обрядовых и свадебных песен и отдельные элементы обрядов.

Г. Г. Шаповалова

О РАБОТЕ ПРОБЛЕМНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В мае 1968 г. при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева была создана проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири.

В составе лаборатории имеются две группы: историческая и археолого-этнографическая. Археолого-этнографическая группа (7 сотрудников) работает над общей плановой темой «Проблемы этногенеза народов Среднего Приобья». Этнографы лаборатории разрабатывают две темы: «Вахо-васюганская группа хантов» (Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин) и «Современные этнические процессы среди сибирских татар» (Н. А. Томилов). Научной базой служат фонды музея археологии и этнографии Сибири Томского университета и полевые материалы экспедиций, проводимых сотрудниками лаборатории и кафедры истории СССР досоветского периода.

Для сбора полевых материалов среди вахо-васюганских хантов экспедиция в составе четырех человек работала в июне — августе 1969 г. в Каргасокском и Александровском районах Томской области и в Нижневартовском районе Тюменской области. Начатые работы были продолжены Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзиным в октябре 1969 г. — мае 1970 г. в Корлики, самом отдаленном поселке ваховских хантов, и близлежащих стойбищах. Летом 1970 г. была организована повторная экспедиция также в составе четырех человек к хантам р. Васюган. Во время этих поездок собран интересный материал по традиционной материальной и духовной культуре вахо-васюганских хантов.

Сбор полевых материалов среди сибирских татар осуществлялся в Новосибирской и Томской областях в июне — июле 1969 г. экспедицией, состоящей из шести человек. В сентябре 1969 г. — январе 1970 г. работу продолжал в стационарных условиях Н. А. Томилов в деревнях томских татар. В июле — августе 1970 г. была проведена экспедиция к татарам Кемеровской и Томской областей. Кроме того, на протяжении 1969—1970 гг. осуществлен сбор материалов среди татар г. Томска. В результате проведенной работы собран материал, характеризующий современные этнокультурные процессы среди томских татар, а также традиционную культуру и быт этой группы, почти совсем не изученной в этнографическом плане.